

На правах рукописи

Ваславский Ян Ильич

**Конституционное оформление и развитие
современных институтов и практик
демократического правления
(сравнительный анализ)**

15 НОЯ 2007

Специальность 23 00 02 –

Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (политические науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2007

Диссертация выполнена на Кафедре сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

Научный руководитель

кандидат политических наук
Мирошук Михаил Григорьевич

Официальные оппоненты

доктор философских наук, профессор
Алексеева Татьяна Александровна

кандидат политических наук
Худоренко Елена Александровна

Ведущая организация

Московский государственный университет
им М В Ломоносова,
Кафедра политического анализа

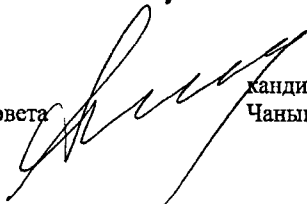
Защита состоится 15 ноября 2007 г в 14⁰⁰ часов на заседании Диссертационного совета Д 209 002 02 по политическим наукам в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД России

Адрес 119454, г Москва, проспект Вернадского, 76

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МГИМО (Университета) МИД России

Автореферат разослан 15 октября 2007 г

Ученый секретарь
Диссертационного совета

кандидат философских наук, доцент
Чанышев Александр Арсеньевич

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена необходимостью изучения взаимосвязи процессов развития институтов и практик демократического правления и их конституционного оформления в странах мира, что позволит выявить ряд условий, благоприятствующих или, напротив, препятствующих стабильному функционированию демократических и демократизирующихся режимов

Во второй половине XX в – в результате второй и, особенно, третьей «волн» демократизации – за демократией утвердился нормативный статус «наилучшей» формы правления. Соответственно, ее установление и поддержание входят в число политических приоритетов многих государств и международных организаций. Однако к концу XX в. также стало ясно, что оптимизм, вызванный распадом недемократических режимов разной природы, и ожидания быстрой демократизации не совсем оправданы в ряде стран: их сменили различающиеся между собой режимы-гибриды¹, а стабильность и «образцовый характер» некоторых демократий последней по времени «волны», в институциональном и процедурном отношении «сравнявшихся» со «старыми» демократиями, определяются не в последнюю очередь оказанной им внешней поддержкой.

Результаты третьей «волны» демократизации свидетельствуют о том, что стабильная демократия требует наличия дееспособного государства и есть результат действия множества условий (политических, экономических, культурных и др.), в отсутствие которых попытки ее «конструирования» с высокой степенью вероятности обречены на неудачу. Означает ли это, что для многих стран мира демократия так и останется недостижимым идеалом? Означает ли это, что нельзя стабилизировать нестабильные режимы с демократическими чертами или задать продемократические траектории режимам-гибридам?

Ответы на эти вопросы зачастую слабо связаны друг с другом (вследствие выбора определенной группы объяснительных факторов, например, экономики, культуры и т.п.). Однако в них есть явная практическая потребность: проблемы демократического строи-

¹ Под гибридными режимами (режимами-гибридами) понимаются политические режимы, находящиеся в состоянии перехода (транзита) от автократической к демократической форме правления, но не обретшие всех необходимых атрибутов, присущих консолидированным демократиям (они описаны, например, американским политологом Р. Далеком, определившим характеристики полиархии – реально существующего политического режима, наиболее близкого к демократическому идеалу). Режимы-гибриды сочетают демократические и авторитарные характеристики, причем демократические с формальной точки зрения институты (например, конкурентные выборы) могут скрывать автократическую сущность режима. Они отличаются неясными перспективами с точки зрения укрепления демократии (см., напр. Diamond L. Thinking about hybrid regimes / L. Diamond // Journal of Democracy – 2002 – Vol. 13, No. 2 – Pp. 21-35). Проблематика гибридных режимов входит в сферу исследовательских интересов таких политологов, как Л. Даймонд, Ф. Шмиттер, Т. Карл, Г. О'Доннелл, Л. Ф. Шевцова и др.

тельства касаются граждан многих стран мира непосредственно. Также следует отметить, что излишне абстрактные ответы на данные вопросы плохо трансформируются в практические действия. Иначе говоря, недостаточно просто констатировать, что «старые», или институционализированные², и «новые» демократии (как и разнообразные недемократии) находятся на разных уровнях политического развития и становления демократических институтов и практик без эмпирически подтвержденных пояснений.

Компаративисты до так называемой бихевиористской революции³ середины XX в. традиционно много внимания уделяли формальным политическим институтам, их конституционному оформлению. Отход от формализма в политологии привел к тому, что традиционная проблематика политической науки оказалась оттесненной на второй план. Появление в 1960-е – 1970-е гг. такого направления политической и экономической мысли, как неонституционализм⁴, обусловило возврат проблематики институтов, в том числе формальных, зафиксированных в конституционных документах, в поле зрения представителей политической науки. Интерес к институциональной проблематике был усилен появлением транзитологии – области компаративистики, изучающей переходы к демократии. В рамках получившего широкое распространение процедурного подхода транзитологи (и политики) особое значение придавали «конструированию» политических институтов (институциональному дизайну), полагая, что выбор «правильной» формы организации государственной власти (например, определенной избирательной системы или формы правления) – залог гарантированного успеха в деле установления стабильного демократического режима. Однако «сконструированные» таким образом институты редко функционируют так, как надеются их создатели, что часто приводит к тяжелым кри-

² Институционализированными «старые» демократии называет, в частности, С Хантингтон. Институционализацию Хантингтон отождествляет с политическим развитием. Мы принимаем эту характеристику и используем ее для обозначения процессов становления и развития институтов и практик демократического правления. Подробнее см. Huntington S. Political Development and Political Decay / S. Huntington // World Politics – 1965 – Vol. 17 (3) – Pp. 386-430.

³ Бихевиористская (поведенческая) революция связана с широким использованием в политологии методологии бихевиоризма – одного из ведущих направлений в психологии первой половины XX в. Возникнув в 1950-е гг. как реакция на доминирование институционализма и нормативной политической теории, бихевиоризм (политический бихевиоризм) способствовал переориентации исследователей на изучения политического поведения индивидов и групп. В специализированных политологических текстах можно встретить термин «бихевиорализм» (англ. behaviouralism) и его производные. Многие авторы, преимущественно англоязычные, используют данный термин вместо понятия «политический бихевиоризм», в том числе для того, чтобы подчеркнуть сферу применения – политические исследования.

⁴ Это направление известно также как «новая институциональная теория». Его представители определяют институты с отличных от «старого» институционализма позиций в центре их внимания находятся «сделки» и связанные с ними издержки, «теория прав собственности», «контрактный подход». Видными представителями этого направления являются Р. Коуз, Д. Норт, Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон и др.

зисам Последние стали причиной разочарования академического и политического сообществ в возможностях «конструирования» и конституционного закрепления демократических институтов как таковых Собственно, сама конституция стала рассматриваться как нечто второстепенное, особенно на фоне неформальных структур и практик

Изучение создания и оформления институтов представляется крайне важным институты возникают «в большей степени в результате случайности или эволюции, чем намеренной деятельности»⁵, в то время как концепции институционального дизайна, наоборот, предполагают именно намеренную деятельность⁶ Как отмечал американский социолог Р Мертон, институты часто являются результатами неверно реализованных намерений, «непреднамеренными побочными продуктами»⁷ Иными словами, «институты имеют значение», но их программирование на получение определенного результата оказывается проблематичным Аналогичным образом может быть определено значение оформления и закрепления институтов в официальных документах («конституция имеет значение»), но с теми же существенными ограничениями

Политическая история некоторых стран мира свидетельствует о том, что формированию стабильного демократического режима способствует ряд факторов, в числе которых конституция (основной закон) или основополагающие законодательные акты, ее заменяющие, а также формирование соответствующих рамок политической деятельности, включая конституционные обычаи и традиции Но и переоценивать их не следует, поскольку даже наличие конституции, отвечающей нормативным требованиям демократии, как и необходимых формальных институтов, созданных при определенных обстоятельствах (например, «сверху» или в условиях острого, чреватого насилием противостояния политических сил), не всегда гарантирует эффективность и демократичность политического процесса

Степень разработанности проблемы в российской и зарубежной научной литературе неодинакова

Значительный опыт в области проблематики конституционного оформления политических институтов и практик демократического правления накоплен американскими

⁵ Goodin R. Institutions and their design / R Goodin // The theory of institutional design / Ed by R Goodin – Cambridge Cambridge University Press, 1996 – P 28

⁶ Д Норт полагает, что институты являются результатом исторических перемен, формирующих индивидуальное поведение Подробнее см Норт Д Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д Норт – М Фонд экономической книги «Начала», 1997 – С 7

⁷ Goodin R. Institutions and their design / R Goodin // The theory of institutional design / Ed by R Goodin – Cambridge Cambridge University Press, 1996 – P 28

исследователями (Дж Роулз, Р Даль, Х Линц, А Степан, М Шугарт, Дж Кэри, А Лейпхарт, С М Липсет, Дж Бьюкенен, Г Таллок, Я-Э Лэйн, Р Гудин, Р Дворкин, Дж Финн, Э Корвин, Б Ли, Д Мюллер, П Ордешук, К Санстайн и др)⁸ В основном их исследования касаются американского конституционализма, однако методологические основания данных работ и их выводы имеют, скорее, универсальный характер

Работы европейских исследователей содержат качественный анализ политических систем, необходимый для исследования европейских государств, а также массив фундаментальных наработок (А де Токвиль, У Бэджхот, Л Дюги, М Дюверже, Ж Жикель, Г Дрюри, Е Вятр, П Шмидт и др)⁹

Для достижения целей настоящего исследования также потребовалось обращение к работам российских политологов и правоведов, в том числе М Ковалевского, А Медушевского, В Стрекозова, Н Куприца, И Трайнина, П Семенова, Ю Пуздрача,

⁸ Бьюкенен Дж Расчет согласия Логические основания конституционной демократии / Дж Бьюкенен, Г Таллок // Нобелевские лауреаты по экономике Джеймс Бьюкенен – М Таурис Альфа, 1997, Даль Р Демократия и ее критики / Р Даль – М РОССПЭН, 2003, Ролз Дж Теория справедливости / Дж Ролз – Новосибирск Изд-во НГУ, 1995, Almond G The civic culture Political attitudes and democracy in five nations / G Almond, S Verba – Boston Little, Brown, 1965, Democracy in developing countries Vol 2 / Ed by L Diamond, J J Linz, S M Lipset – Boulder, L Lynne Rienner, 1988, Democracy in developing countries Vol 4 / Ed by L Diamond, J J Linz, S M Lipset – Boulder, L Lynne Rienner, 1989, Linz J J The virtues of parliamentarism / J J Linz // Journal of Democracy – 1990 – Vol 1 (4) – Pp 84-91, Lipset S M Some social requisites of democracy Economic development and political legitimacy / S M Lipset // American Political Science Review – 1959 – No 53, March – Pp 69-105, Lyphart A Democratization and constitutional choices in Czecho-Slovakia, Hungary, and Poland, 1989-91 / A Lyphart // Journal of Theoretical Politics – 1992 – Vol 4 (2) – Pp 207-223, Lane J-E Constitutions and political theory / J-E Lane – Manchester Manchester University Press, 1996, The theory of institutional design / Ed by R Goodin – Cambridge Cambridge University Press, 1996, Finn J E Constitutions in crisis Political violence and the rule of law / J E Finn – N Y Oxford University Press, 1991, Constitutional politics / Ed by S A Barber, R P George – Princeton Princeton University Press, 2001, Corwin E S Court over constitution A study of judicial review as an instrument of popular government / E S Corwin – Princeton Princeton University Press, 1938, Dworkin R Freedom's law / R Dworkin – Cambridge Harvard University Press, 1996, Dworkin R. Taking rights seriously / R Dworkin – Cambridge Harvard University Press, 1977, Li B What is constitutionalism? / B Li // Perspectives – 2000 – Vol 1, No 6, Mueller D Public choice III / D Mueller – Cambridge Camoridge University Press, 2003, Ordeshook P Constitutional stability / P Ordeshook // Constitutional Political Economy – 1992 – Vol 3 – Pp 137-175, Ordeshook P Designing federalism A theory of self-sustainable federal institutions / P Ordeshook, M Filippov, O Shvetsova – St Louis Washington University, 2001, Shugart M S Presidents and assemblies Constitutional design and electoral dynamics / M S Shugart and J M Carey – Cambridge [Engl], N Y Cambridge University Press, 1992, Sunstein C Designing democracy What constitutions do / C Sunstein – N Y Oxford University Press, 2001

⁹ Токвиль А, де Демократия в Америке Пер с франц / Предисл Г Дж Ласки – М Весь мир, 2000, Дрюри Г Политические институты с точки зрения права / Г Дрюри // Политическая наука Новые направления / Под ред Р Гудина и Х-Д Клингеманна. – М Вече, 1999, Bagehot W The English constitution / W Bagehot – Oxford Oxford University Press, 1928, Duguit L Traite du droit constitutionnel En 5 vol / L Duguit – Paris Editions Cujas, 2001, Duverger M Institutions politiques et droit constitutionnel / M Duverger – Paris PUF, 1970, Gicquel J Droit constitutionnel et institutions politiques 18-e éd / J Gicquel, J-E Gicquel – P Montchrestien, 2002, Wiatr J Executive-legislative relations in crisis Poland's experience, 1989-1993 / J Wiatr // Institutional design in new democracies / Ed by A Lyphart and C H Waisman – Boulder Westview Press, 1996, Schmidt P The constitutional contradictions of Hungarian parliamentarism / P Schmidt // Magyarorszag Politikai Evkonyve 1992 (Political Yearbook of Hungary 1992) / Ed by S Kurtan, P Sandor, L Vass – Budapest Economix Rt, 1993

А Белкина, В Чиркина¹⁰ и др. Следует заметить, что в целом интерес российского политологического сообщества к конституционной проблематике не имеет постоянного характера (за исключением небольшого числа специалистов-правоведов)

Цели и задачи исследования Цели настоящего диссертационного исследования состоят в определении причин несовпадения результатов оформления и развития институтов и практик демократического правления в странах мира (посредством анализа процессов их конституционного оформления), эмпирическом объяснении успешного функционирования или, наоборот, провала демократических и демократизирующихся режимов

Реализация основных целей исследования требует решения следующих конкретных задач

- анализа и обобщения наиболее распространенных научных представлений о конституциях и конституционном оформлении политических институтов (для определения природы конституционных документов, основных способов их создания и принятия, а также взаимосвязи с историей становления демократических институтов как таковых),

- рассмотрения исторических процессов конституционного оформления политических институтов в различных государствах мира (для учета институциональной фактуры отобранных казусов),

- проведения сравнительного анализа конституционного оформления институтов и практик демократического правления в странах, отвечающих требованиям исследовательской стратегии (включает рассмотрение случаев наибольшего сходства и наибольшего различия),

- выявления специфики конституционного оформления институтов демократического правления в России в 1990-е гг

Объектом исследования в диссертационной работе выступают процессы и формы конституционного оформления институтов и практик демократического правления в разные исторические периоды

¹⁰ Медушевский А Н Демократия и авторитаризм российский конституционализм в сравнительной перспективе / А Н Медушевский – М РОССПЭН, 1997, Стрекозов В Г Государственное (конституционное) право Российской Федерации Учебное пособие / В Г Стрекозов В Г, Ю Д Казанчев – М Изд-во Военной академии экономики, финансов и права, 1994, Куприц Н Я Из истории науки советского государственного права / Н Я Куприц – М Юридическая литература, 1971, Ковалевский М М Общее конституционное право Лекции, читанные в С -Петербургском Университете и Политехникуме, 1907–1908 / М М Ковалевский – СПб 1908, Семенов П Г О «государственно-общественном» характере основной «государствоведческой» отрасли советского права / П Г Семенов // Конституция СССР проблемы государственоведения и советского строительства / Редкол И А Азовкин, В О Лучин и др – М Изд-во ИГиП АН СССР, 1980, Пуздрач Ю В История российского конституционализма IX-XX вв / Ю В Пуздрач – СПб Юридический центр Пресс, 2004, Белкин А А Избранные труды 90-х годов по конституционному праву – СПб Юридический центр Пресс, 2003, Сравнительное конституционное право / Под ред В Е Чиркина – М Международные отношения, 2002

Предметом исследования в диссертационной работе являются условия конституционного оформления институтов и практик демократического правления, факторы, благоприятствующие успешности этого процесса (исследовательская гипотеза проверяется на определенным образом отобранных странах), а также применяемые для этого формальные и неформальные практики

Методологические основы исследования Теоретический базис диссертации составляют преимущественно работы зарубежных политологов, посвященные изучению политических институтов (Дж Бьюкенен, Г Таллок, Д Норт и др), конституционализма¹¹ и процессов конституционного строительства (А Лейпхарт, Я-Э Лэйн, К Санстайн, Д Франклин и др), а также научная литература по проблемам демократии и демократического транзита. Институты понимаются автором как устойчивые правила (практики), которые могут быть формализованы в некие структуры и организации, определяющие политические процессы и поведение акторов в политике (институциональный подход)¹²

В работе применяются как универсальные, так и казусно-ориентированные сравнения. Исследование выполняется в несколько этапов при сочетании исследовательских замыслов наибольшего сходства и наибольшего различия. Значительное внимание уделено рассмотрению процедур, которые приводят к созданию определенных конституций и обеспечивают их стабильность или нестабильность в разные исторические периоды.

Придерживаясь современного толкования демократии, составляющих ее институтов и процедур, автор рассматривает процессы оформления и развития институтов демократического правления в институционализированных демократиях, в «новых» демократиях второй половины XX в., а также в странах, где анализируемые процессы не привели к появлению демократической политической системы. К числу институционализированных демократий относятся США и Великобритания, группу стран с успешным опытом демократического строительства в более коротких временных рамках составляют Индия, Польша, Венгрия и ЮАР. В числе стран, где попытки создания демократической политики не приводят к успеху вплоть до наших дней или сталкиваются с серьезными трудностями, не позволяющими создать стабильные де-

¹¹ Конституционализм понимается как правление, ограниченное конституцией, а также как политико-правовая теория, обосновывающая необходимость установления конституционного порядка.

¹² В рамках институционального подхода допускается, что институты как «устойчивые правила игры» (Д. Норт) и организации (учреждения) могут сращиваться на основе структуры побудительных мотивов, что ведет к их отождествлению.

мократические режимы, – Таиланд, Албания (в 1990-е гг.), Кыргызстан и Украина. Автор исходит из тезиса, что даже при формальном наличии необходимых демократических институтов не гарантированы ожидаемые эффекты функционирования политической системы на демократических принципах.

Задачи исследования решаются посредством 1) казусно-ориентированного сравнения процессов конституционного оформления институтов и практик демократического правления, и затем 2) более абстрактного сравнения политических систем на основе параметров, выделенных на первом этапе проведения исследования.

В главе I исследования осуществляется критический обзор научных работ, связанных с проблемами формирования и развития конституций в разные исторические периоды, а также демократизации. В главе II осуществляется эмпирический сравнительный анализ конституционных документов, институтов и практик демократического правления в странах, отобранных в соответствии с исследовательским замыслом.

Научная новизна исследования заключается в том, что обоснована целесообразность включения в число объяснительных факторов консолидации и стабильного функционирования демократических режимов условия, связанного с характером конституционного оформления институтов и практик демократического правления. Принятый в диссертации сравнительный анализ опыта конституционного строительства в разных странах мира показал, что решающее значение имеет не столько форма конституции (писаная или неписаная), сколько оформление ею символического общественного соглашения относительно вновь создаваемых или уже существующих институтов и практик демократического правления и рамок их функционирования.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Различия в подходах к изучению конституций и конституционного строительства между политологией и юриспруденцией пролегают и на терминологическом, и на теоретическом уровнях. Подход к концепту конституции со стороны конституционного права можно охарактеризовать как формалистский с акцентом на нормативных аспектах конституционного строительства¹³. Конституция считается в большей степени законом, нежели политической конфигурацией. Такой подход дает возможность понять суть основного закона, основания его верховенства, круг участников процесса конституционного строительства, не расставляя при этом политически окрашенных акцентов. Его недостатком является эксклюзивность на практике в конституционных дискуссиях.

¹³ С позиций нормативного подхода предусматривается выстраивание понятийных схем и получение идеальных моделей.

и строительстве принимает участие ограниченный круг акторов, тогда как большинство граждан фактически отстранено от этих процессов. Изучение конституций и конституционного строительства с позиций политической науки предусматривает рассмотрение политического уклада, анализ конфигурации институтов и акторов, создаваемых в конституционных рамках. Такой анализ осуществляется с помощью дескриптивного подхода¹⁴. Соответственно, различия в рамках правового и политического подходов выражаются в соотнесении текста основного закона с конституционным порядком, в выделении разных институтов и акторов, несущих ответственность за защиту и поддержание конституционного порядка (сами защита и поддержание также трактуются по-разному). В этих условиях оптимальным вариантом является синтез нормативизма и дескриптивизма, сочетание обоих подходов, основанное на их общих основаниях (например, на идее договора).

2 Наличие конституции – как писаной, так и в форме традиций и обычаев – не гарантирует положительного результата при создании и совершенствовании демократических политических систем. Одним из важнейших условий успеха в данном случае является наличие символического общественного соглашения. Отсутствие такого соглашения по поводу политических институтов и практик в состоянии обречь на провал действия политических акторов, направленные на создание стабильной и эффективно функционирующей демократической политической системы, поскольку конституция не выполняет функции установления общих рамок политической деятельности. Значит, у политических акторов появляется больше мотивов и средств «переустанавливать» их.

3 Сравнительный анализ институтов и практик демократического правления в Великобритании и США, а также в Польше и Венгрии позволяет говорить о некоторых особенностях применения исследовательских подходов. Так, в государствах, где становление конституционных структур происходило постепенно и в течение длительного периода времени, акцент следует делать на рассмотрении существующих структур, а также отдельных аспектов их создания и развития. Применительно к странам, характеризующимся форсированными (в пределах нескольких лет) темпами конституционного строительства, цели исследования реализуются при рассмотрении непосредственно процессов транзита с применением неонституционального подхода.

4 Значительное влияние на формирование демократии в Индии оказали политические процессы колониального периода и первых лет независимости, включая разработку

¹⁴ Дескриптивный подход предполагает эмпирическое описание. В результате выстраиваются модели, полученные путем обобщения (индукции) из описания реальности.

конституции, начатую еще в условиях британского контроля Индийская конституция создавалась при участии различных политических сил в рамках Учредительного собрания и отличается высокой степенью гибкости для реагирования на текущие общенациональные проблемы. Это обстоятельство содержит в себе потенциальную угрозу демократическому правлению (в разные периоды созданная конституцией институциональная система проявляла авторитарные, персоналистские и технократические тенденции).

5 Главной особенностью процессов конституционного оформления и развития демократических институтов и практик в Южно-Африканской Республике является исходная точка транзита – политическая система апартеида, базировавшаяся на расовой сегрегации, но допускавшая до начала 1990-х гг. некоторые квазидемократические институты и практики для небольшой части населения. В отличие от межпартийных «круглых столов» в Центральной и Восточной Европе, процесс разработки новой конституции ЮАР, призванной создать инклюзивную политическую систему, был более организованным и подготовленным (здесь прослеживается аналогия с Индией). Это позволило достичь нацеленного в будущее общественного консенсуса по поводу новой демократической политики с меньшими издержками как для отдельных граждан, так и для общества в целом.

6 В Таиланде предпосылки к созданию демократических институтов возникали на разных этапах политического развития, однако до настоящего времени в стране не сложилась стабильная демократическая система. Элиты не имеют опыта заключения символического общественного соглашения и осуществления политического процесса в конституционных рамках, о чем свидетельствуют многочисленные смены основного закона. Фактически такие рамки многократно изменялись. Дополнительным осложняющим ситуацию фактором является высокое влияние военных на политический процесс.

7 Политические элиты Кыргызстана, в отличие от таковых в Албании (эта страна также включена в число изучаемых стран), оказались не в состоянии вести системные переговоры и достигать компромиссов. В данном государстве, как и в Таиланде, можно выделить сильных акторов, сконцентрировавших властные (силовые, административные и финансовые) ресурсы для реализации собственных, «внесистемных» целей. В подобных неблагоприятных условиях позитивную роль могли бы сыграть внешние медиаторы, как в случае Албании (для Кыргызстана в такой роли могут выступить ООН, Россия, ШОС), однако в итоге осознанный выбор в пользу конституционных демократических институтов должен быть сделан самими гражданами Кыргызстана. В качестве варианта

конституционных преобразований в Кыргызстане можно предполагать последовательную передачу президентом своих полномочий исполнительной и законодательной ветвям власти, что должно быть отражено в новой конституции. В случае успеха конституционных реформ Кыргызстан станет первой страной Средней Азии, осуществившей отход от потенциально авторитарной системы президентской власти.

8 На Украине провал заимствования французской премьер-президентской модели в первой половине 1990-х гг. можно объяснить тем, что она не была четко закреплена в конституции, которая стала бы предметом соглашения элит и широкого общественного консенсуса. Крен в сторону президенциализма стал основной негативной характеристикой украинского конституционного процесса с 1996 г. и привел к относительной консолидации оппозиции. После событий 2004-2005 гг., более известных как «оранжевая революция», украинские элиты, не осознав свои новые роли в изменившихся конституционных условиях и не выработав соответствующих моделей поведения, оказались не готовы к компромиссам (аналогичная ситуация наблюдается и в Кыргызстане). Доказательством данного тезиса является различная трактовка конституции политическими силами, а также дискредитация Конституционного суда – органа, который мог бы внести ясность в понимание отдельных статей конституции. Выборы сентября 2007 г. не стали фактором стабилизации, и можно предположить, что дальнейшее политическое развитие Украины будет сопровождаться кризисами по модели, сложившейся в первой половине – середине 1990-х гг. (с некоторыми изменениями 2005-2006 гг.).

9 В России принятие конституции на референдуме в декабре 1993 г. способствовало тому, что она формально превратилась в предмет общественного консенсуса *post factum*, получила определенную легитимность, но не стала в полной мере определяющим фактором общественно-политической жизни. Конституция 1993 г. определяет правила *ex ante*, и поэтому имеется разрыв между результатами ее функционирования, как и функционирования учрежденных ею политических институтов, и изначально заложенными в нее принципами и ожиданиями. Очевидно, что для ликвидации этого разрыва, признаком которого станет соблюдение и буквы, и духа основного закона, требуется не только время, но и дополнительные усилия органов государственной власти по приведению в соответствие с конституцией всех прочих законодательных актов (задача, в целом реализованная во время первого президентского срока В.В. Путина, по крайней мере в области федеративных отношений), а также развития самой конституции и учрежденных ею институтов. Конституционный вопрос, хотя и не находится на

первом плане, является одним из центральных в политическом развитии России. Наша страна по-прежнему нуждается в особой программе конституционного строительства с тем, чтобы эта сфера политической и юридической деятельности вносила максимально возможный вклад в укрепление основ демократии и гражданского общества.

10 По итогам проведенного сравнительного анализа основные гипотезы диссертационного исследования были подтверждены. Во-первых, конституции, определяя рамки политической деятельности и оформляя демократические институты и практики, «имеют значение» вне зависимости от конкретных форм, которые они обретают в ходе политического развития. Во-вторых, эта функция конституции реализуется только в том случае, если она является предметом символического соглашения, по крайней мере, между основными группами элиты (это также означает, что предметом соглашения являются и оформляемые ею политические институты и практики). В более успешных с точки зрения развития демократии странах это соглашение должно поддерживаться широкими слоями населения, не отстраненными от политического участия.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы могут применяться для критической оценки и совершенствования процессов конституционного строительства в России. В диссертации обоснован подход к выработке модели совершенствования институтов демократического правления, который может быть использован на практике. Также материалы и выводы диссертации оказались бы полезными для разработки и преподавания учебных курсов «Сравнительная политология», «Сравнительная мировая политика» и т.д., включая спецкурс по конституционному строительству в контексте развития институтов демократического правления.

Апробация диссертационного исследования Настоящая диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Кафедры сравнительной политологии Факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Отдельные положения и выводы диссертации были рассмотрены на научном семинаре «Мировые контексты российской политики» (Москва, МГИМО(У) МИД России, 3 марта 2007 г.)

II. Основное содержание диссертационного исследования

Структура диссертации определяется задачами исследования, а также особенностями концептуализации понятия конституции. Задачи исследования условно могут быть разделены на два блока, первый из которых подразумевает рассмотрение концепта конституции, его развития, подходов к обоснованию, второй – анализ процессов конституционного оформления демократических институтов и практик в выбранных для исследования странах. Исследование, таким образом, состоит из введения, двух глав, состоящих из трех параграфов каждая, заключения и библиографии.

Во **введении** обосновываются выбор темы, ее актуальность, сформулированы цели и задачи исследования, его объект и предмет, определены методологические основы исследования, охарактеризована степень разработанности темы, научная новизна исследования, его практическая значимость и направления апробации.

Первая глава «Концепт конституции: определение понятия, основные подходы к исследованию и обоснованию, история развития» содержит анализ понятия конституции, его эволюции вплоть до наших дней и подходов к обоснованию. В главе выделены три параграфа, после них приведены основные выводы.

В первом параграфе «Сравнительный анализ подходов к концепту конституции со стороны политологии и юридической науки» концепт конституции анализируется с позиций двух наук, в рамках которых он разрабатывается наиболее интенсивно, – политологии и юриспруденции.

Значительные различия в подходах к данному концепту, признаваемые представителями обеих наук, пролегают не только на идейно-теоретическом уровне, но даже затрагивают терминологию.

Подход к концепту конституции со стороны конституционного права можно охарактеризовать как формалистский с акцентом на нормативных аспектах. Конституция считается в большей степени законом, нежели политической конфигурацией (Дж. Финн). Несомненным достоинством такого подхода является то, что он дает исследователю возможность понять суть основного закона, основания его верховенства, структуру конституционного процесса и его участников. Из недостатков данного подхода очевидна его эксклюзивность, или непрозрачность на практике в конституционных дискуссиях и строительстве принимает участие ограниченный круг акторов, тогда как большинство граждан оказывается отстраненным от этих процессов.

Следует учитывать, что конституция является не просто текстом, но также актом, создающим политический уклад. Рассмотрение политического уклада, анализ институциональной конфигурации предусматривает анализ концепта конституции с позиций политической науки. Данный подход, в зависимости от исследовательской школы, может предполагать терминологическую диверсификацию, однако чаще всего политологи трактуют конституцию как договор между гражданами или как механизм, устанавливающий баланс сил и регулирующий взаимоотношения между органами власти.

Если формально-юридический (нормативный) подход применяют преимущественно специалисты-правоведы, то с позиций политической науки конституцию могут обсуждать не только политики и политологи, но и рядовые граждане. Преимуществом здесь является то, что политическая наука воспринимает гражданина не как частное лицо, а в качестве представителя гражданского общества, что помогает в деле воспитания в индивидах гражданских качеств в процессе социализации. Это означает открытость «политической» конституции общественной критике и широкому участию. Важно отметить, что для понимания такой концепции конституции требуется больший по сравнению с юридической объем знаний и ответственности за поддержание конституционного порядка (она не сводится исключительно к соблюдению и толкованию правовых норм, а предполагает общественное участие и реализацию механизмов демократии).

Противопоставлять правовой и политический подходы не следует – это снижает эффективность анализа. В результате исследователь может упустить из виду многие взаимосвязи двух подходов. Напротив, их синтез обогащает методологию анализа и его выводы. Данный синтез основан на общих основаниях подходов (например, на идее договора). Более того, правовые идеи глубоко укоренились в политической теории, о чем свидетельствуют работы многих исследователей (Ф. Поллок, Дж. Финн, С. Берджес, Р. Нэйджел, Г. Дрюри и др.).

Во втором параграфе «Концепт конституции: история зарождения и развития» анализируется развитие концепта конституции на протяжении нескольких веков.

Свидетельства существования сводов законов обнаружены учеными при исследованиях многих древних цивилизаций – шумерской, ассирийской и др. Некоторые авторитетные теоретики полагают, что истоки современного западного конституционализма следует искать в Библии. Нередко отмечается, что важную роль в деле поиска средств обеспечения политического баланса и предотвращения тирании сыграли идеи античных мыслителей, творчески переработанные И. Альфутизем, Т. Гоббсом, Дж. Локком и др.

Средневековые в Европе ознаменовались появлением кодифицированного законодательства, пусть и с весьма слабыми конституционными признаками Конституциями в этот период именовались уставы монашеских орденов и акты, определявшие структуру управления государств, а также различного рода документы о привилегиях и вольностях феодалов Протоконституционные порядки были распространены не только в Европе свидетельства существования документов, регламентировавших властные отношения, имеются на Ближнем Востоке, в Японии, на африканском и американском континентах

Значительным шагом вперед в становлении конституционных практик стали первая и Великая хартии вольностей в Англии Первая хартия вольностей считается одним из источников британской конституционной традиции Она стала прообразом Великой хартии вольностей, которая сыграла важнейшую роль в ходе английской буржуазной революции и сегодня оказывает влияние на конституционное право, входя в свод британских конституционных законов Считается, что след Великой хартии вольностей прослеживается во многих современных конституциях мира, включая американскую

Конституций в современном понимании, призванных регламентировать права и обязанности граждан, а также устройство государственной власти, в мире не существовало до XVII в, что объясняется отсутствием всеобщего характера у протоконституционных документов Многие исследователи склонны считать временем зарождения конституционализма в его современном понимании начало XVII в, когда оформились две основополагающие идеи – ограничения власти суверена над подданными (посредством гарантий прав), а также разделения властных функций между государственными институтами Более того, в рамках конституционализма начали выделяться направления, например, теория сопротивления и теория согласия Если посыл первой из них заключается в том, что подданные имеют право сопротивляться той власти, которая не подчиняется конституции, то квинтэссенцией второй является наличие договора, или общественного соглашения, а также конституции, фиксирующей данные договоренности между членами социума относительно общественно-политического устройства государства

В существующем в настоящее время значении термин «конституция» стал употребляться в XVIII в, причем первой писаной конституцией мира, соответствующей современным представлениям об основном законе, стала американская, принятая в 1787 г В Европе первыми государствами, обретшими основной закон, стали Польша и Франция Впрочем, если американская конституция с поправками действует до

сих пор, то французский документ так и не вступил в силу, а действие польского основного закона носило ограниченный характер

После Французской революции конституционализм стал общепринятой формой легитимизации власти, в том числе монархической. Одновременно развернулась широкомасштабная дискуссия по поводу того, что именно считать конституционализмом. Современные исследователи предлагают различные подходы к его анализу. Так, отечественный теоретик А. Медушевский рассматривает правительственный и революционный конституционализм, разграничивая способы внедрения основного закона. Медушевский считает, что второй тип в большей степени соответствует духу конституционализма, так как может быть осуществлен в рамках буржуазного развития общества и посредством давления на власти «снизу». Известный исследователь Я.-Э. Лэйн выделяет монархический и республиканский пути развития конституционализма, а также его третью, британскую, версию, подразумевающую неписаную, однако от этого не менее влиятельную конституцию с опорой на парламентаризм. Лэйн и другие исследователи считают, что парламентские институты могут органично существовать как в рамках конституционной монархии, так и в условиях республики. Вывод о жизнеспособности парламентских институтов в условиях конституционной монархии подкреплён множеством примеров, наблюдавшихся в Европе в XIX в. В наиболее современной форме теория конституционной монархии была выражена французским теоретиком либерализма Б. Констаном, который видел монарха как гаранта стабильности государства, имеющего ряд исключительных прав, включая вето на решения легислатуры, увольнения министров и помилования. Разумеется, конкретные конституционные монархии имеют свои особенности, допускают большую или меньшую степень автократичности.

Что касается президентских республик, то здесь основным выводом Я.-Э. Лэйна является тезис о том, что при отсутствии работающей системы сдержек и противовесов может наблюдаться смещение режимов в сторону автократии, вмешательства военных, увеличения числа неконституционных смен власти. Это подтверждается событиями, имевшими место в Латинской Америке в XIX-XX вв., а также в странах Азии и Африки после Второй мировой войны.

Наконец, британская парламентская модель является способом устранения с политической арены монархов без провозглашения республики и может обеспечить мирный переход от конституционной монархии к конституционной демократии. Эта модель применялась в основном в Европе в XIX – первой четверти XX вв.

Изыскания Лэйна во многом перекликаются с теорией «волн» демократизации, предложенной американским политологом С Хантингтоном. Данное совпадение подтверждается синхронностью процессов демократизации и принятия эффективных конституционных документов, предусматривающих соблюдение прав человека и гражданина, а также оптимальную структуру взаимоотношений между различными ветвями власти. Однако Лэйн уточняет, что периодизация «волн» демократизации не может быть в полной мере применена к анализу развития конституционализма, и предлагает собственную периодизацию процессов демократизации применительно к конституциям, которая учитывает точки бифуркации в развитии государств, массивные социальные сдвиги, в том числе революции и войны. Периодизация Лэйна вполне применима к изучению конституционного оформления и развития институтов и практик демократического правления, хотя и обладает рядом недостатков.

В третьем параграфе «Подходы к обоснованию конституционных документов» рассматриваются различия в научных подходах, которые применялись в разное время к обоснованию конституционных документов. Если в XIX в конституции рассматривались преимущественно в соотнесении с институтами, то в XX в в поле зрения теоретиков попала экономика, особенно экономическая деятельность индивидов. Причины такой трансформации заложены в ходе мировой истории, причем лишь 25-30 лет назад рассмотрение концепта конституции вновь начало обретать полноценность и разносторонность, избавляться от предвзятостей, обусловленных факторами глобального политического процесса и мировых идеологий.

Необходимо отметить, что на протяжении двух веков в плане изучения конституций лидировали французские исследователи, в том числе Л Дюги и М Дюверже. Последний проследил изменение отношения в обществе и научной среде к конституции и пришел к выводу, что в итоге сформировалась новая исследовательская и мировоззренческая позиция, которая повлекла за собой два фундаментальных последствия: во-первых, расширилось поле исследований, и, во-вторых, произошло смещение акцентов внутри традиционного поля исследований с формально-юридического полюса к институциональному. Несомненный вклад Дюверже заключается в фиксации этого смещения и «возвращения к институтам».

Кроме того, были предприняты в целом успешные попытки перенести подходы к рыночной экономике на конституционные договоры, причем инициативу у французских ученых перехватили их американские коллеги, в числе которых можно отме-

тить Дж Бьюкенена, Г Таллока и др. Новые исследовательские подходы включают теории рационального выбора, игр и анализируют жизнь общества в условиях наличия конституционного договора, правила и закономерности политической деятельности, процесса принятия решений при некоем наборе установленных правил. Важно подчеркнуть, что центром анализа в данном случае выступает не социум в целом, а индивид. Достижение всеобщего согласия с учетом неопределенности в политике подразумевает особое внимание к индивидуальным ценностям. В условиях акцента на индивиде были отвергнуты органические интерпретации коллективной деятельности, идея «общей воли», а также марксистское допущение существования эксплуатации угнетенных господствующим классом. В итоге, политическая деятельность рассматривается как особая форма обмена, или как средство, с помощью которого может быть усилена «власть» всех участников.

Восприятие конституции как общественного договора об установлении институтов власти уходит корнями во времена Т Гоббса и популярно сегодня в политической науке, в том числе благодаря фундаментальной работе Бьюкенена и Таллока «Расчет согласия». Идеи этих исследователей представляют собой существенное развитие договорной теории. В процессе анализа были выявлены преимущества новой трактовки конституции как договора. Решаются проблемы бесконечного регресса, единогласия и представительства по модели «гражданин – доверенное лицо».

В то же время, ряд исследователей, в числе которых П Ордешук, полагает, что воспринимать конституцию как договор логически неверно, так как предложенное приверженцами договорной концепции решение проблемы бесконечного регресса на практике не действует. Ордешук полагает, что единственный выход из «замкнутого круга» – принять за данность, что конституция обладает свойством самостоятельного правоприменения. По сути, расхождения между сторонниками различных восприятий конституционного договора имеют место по причине различного видения самой проблемы бесконечного регресса и, соответственно, путей ее решения.

При рассмотрении концепта конституций существуют дополнительные терминологические разногласия. Часть исследователей считает, что их лучше рассматривать как конвенции (англ. *conventions*), а не как договоры (англ. *contracts*). Некоторые теоретики занимают компромиссную позицию, указывая на преимущества и недостатки обоих подходов и утверждая, что все конституции мира имеют признаки и договоров, и конвенций, хотя различаются в их выраженности.

Институционалистские и субъективистские подходы к обоснованию конституционных документов различаются, однако дополняют друг друга и обогащают научный анализ. С расширением содержания понятия институтов и диверсификацией политической деятельности индивидов расширяется фундамент обоснования конституций. Дисбаланс в пользу институционалистской точки зрения, имевшийся ранее, сегодня устранен, и оба подхода развиваются равномерно.

Вторая глава «Опыт конституционного строительства в современном мире» посвящена изучению опыта конституционного оформления демократических институтов и практик в выбранных для данного исследования государствах посредством наложения на исследуемые случаи тех характеристик феномена конституции, которые выделены в первой главе.

В современном мире накоплен богатый опыт конституционного строительства, причем, как показал анализ, этот процесс в различные периоды имел неодинаковую динамику и был разнонаправленным. Одной из последних тенденций является интенсификация процессов пересмотра или внесения поправок в конституции многих стран мира. В целом, конституционное строительство признано в качестве одного из способов качественного разрешения внутренних конфликтов и укрепления демократических институтов.

Первый параграф «Опыт конституционного строительства в современном мире относительно успешные казусы» раскрывает процесс становления и конституционного оформления институтов и практик демократического правления в институционализированных демократиях, таких как Великобритания и США.

Политический процесс в Великобритании обусловлен преимущественно внутренними факторами и имеет, скорее, постепенный, а не внезапный и радикальный характер. Соответственно, британская конституционная демократия развивалась на протяжении длительного периода времени, причем некоторые демократические институты и практики исторически развивались в рамках недемократической системы. Важнейшим отличием Великобритании является отсутствие единой писаной конституции, исчерпывающим образом определяющей основные параметры функционирования органов власти. Помимо писаных законодательных актов, большое значение в политическом процессе имеют нормы и правила, выработанные и согласованные элитами относительно давно. Можно сделать предположение, что потенциал согласия относительно рамок политической деятельности, достигнутый в прошлом, может при определенных условиях сохраняться в течение длительного времени.

В отличие от британской парламентской монархии, США представляют собой президентскую республику, причем писаная конституция в этой стране является важнейшей ценностью для общества. Успешность американской модели конституционного оформления и развития демократических институтов и практик во многом определяется верой граждан в идеалы демократии и свободного рынка, а также в систему, при которой положение человека в обществе определяется его способностями. Эта вера мотивирует индивидов действовать в рамках самой системы. Однако ее эрозия может поставить США в ситуацию кризиса.

В роли успешных примеров быстрого посткризисного конституционного строительства выступают Польша и Венгрия, которые рассмотрены в едином блоке. Процессы перехода к демократии проходили в этих странах с разной динамикой. Если Польша благодаря самому структурированному оппозиционному движению была лидером транзита в регионе на начальном этапе, то к середине 1990-х гг. стали очевидны издержки в виде выхода за рамки договоренностей «круглого стола». Венгрия же, напротив, относительно безболезненно осуществила транзит, с самого начала которого имела необходимую политическую структуру и конституцию 1949 г., частично исправленную в 1989 г. В дальнейшем общественная дискуссия в Польше продолжалась до 1997 г. и позволила политическим силам страны прийти к консенсусу по поводу системных реформ. Крепость данного консенсуса очевидна и сегодня, так как в стране не наблюдалось и не наблюдается массовых выступлений, имеющих своей целью нарушение общественного и конституционного порядка. В Венгрии, напротив, сегодня наблюдается большая, по сравнению с Польшей, неустойчивость общественного консенсуса и, вероятно, потребность в достижении договоренностей между основными акторами по польскому примеру. Впрочем, несмотря на очевидные политические и экономические проблемы, и Польша, и Венгрия, равно как и большинство других стран региона, в целом успешно осуществили транзит к демократической системе и имеют хорошие перспективы совершенствования созданных структур, особенно с учетом влияния членства в Евросоюзе.

По итогам анализа «старых» (институционализированных) и «новых» демократий можно сделать следующий вывод: при рассмотрении процессов конституционного оформления демократических институтов и процедур в странах, где их становление протекало постепенно и на протяжении длительного времени, акцент должен быть сделан на изучении существующих институтов и практик, а также на отдельных аспектах их создания и становления. В то же время, если речь заходит о государствах,

где соответствующее конституционное строительство велось форсированными темпами (в пределах нескольких лет), цели исследования реализуются при рассмотрении непосредственно процессов транзита

Успешные примеры конституционного строительства можно найти и за пределами европейского политико-культурного ареала, в частности в Индии и ЮАР

Процессы оформления институтов демократического правления в Индии протекали одновременно с построением независимого государства. Еще в период национально-освободительного движения сформировалась политическая традиция общенационального согласия (вернее, согласия между представителями социальных групп) относительно необходимости сохранения и развития в стране парламентских институтов. Оформлением и подтверждением такого согласия стала разработка конституции Учредительным собранием. Принимая во внимание большую численность населения страны, сложно представить себе более оптимальный способ конституционного оформления. На сегодняшний день основной закон Индии является самой большой писаной конституцией в мире, обладающей существенной гибкостью, что подтверждается значительным числом регулярно вносимых в нее поправок. Последнее обстоятельство таит в себе некоторые угрозы, связанные с тем, что относительная легкость изменения конституции может быть использована влиятельными политиками в своих интересах. В целом, демократия в Индии не только сохранилась, но и основательно укрепилась за 60 лет, прошедших с обретения независимости. Это государство является наглядным доказательством тезиса о том, что чем больше общество (его выборные представители) прикладывает усилий по построению конституционной демократии, тем большего успеха оно в этом деле достигает, тем глубже укореняются демократические институты в политической структуре и в сознании граждан.

Другим примером важности общественного консенсуса при переходе к демократии является Южно-Африканская Республика. Это государство отличается от рассмотренных в диссертации стран тем, что исходной точкой транзита была не абсолютная монархия, колониализм или порядки советского типа, а апартеид – качественно иная система, базирующаяся на расовой сегрегации. Впрочем, даже в рамках дискриминационной системы, существовавшей в ЮАР до начала 1990-х гг., было возможно функционирование квазидемократических институтов для одной части населения страны (при жестком ограничении возможностей политического участия для всех групп небелого населения). В случае ЮАР очевидны некоторые аналогии с процессами транзита в

странах Центральной и Восточной Европы во-первых, транзит осуществлялся от исходной системы, конфигурация которой не устраивала подавляющее большинство населения Во-вторых, власти и в ЮАР, и в Польше, и в Венгрии включились в переговорный процесс с целью выработки основ новой системы Различие заключается в том, что в странах ЦВЕ транзит не сопровождался волной насилия и длительным действием режима чрезвычайного положения, как это произошло в ЮАР Процесс разработки новой конституции в ЮАР по сравнению с межпартийными «круглыми столами» в странах ЦВЕ был в большей степени организован и подготовлен Учитывая, что нынешний основной закон ЮАР разрабатывался и принимался согласованно и конструктивно, а также то, что он не содержит положений, которые прежде вызывали явные расколы в обществе, можно утверждать, что действующая конституция, равно как и вся политическая система ЮАР, являются предметом общественного соглашения, нацеленного в будущее Вместе с тем, последствия апартеида ЮАР будет испытывать еще многие годы, дискриминация была и остается одной из основных угроз южноафриканского общества, только сегодня она касается уже преимущественно белого населения

Второй параграф «Опыт конституционного строительства в современном мире примеры неудач в области конституционного строительства» посвящен исследованию стран, в которых конституционное строительство омрачено неудачами (провалами) Их признаками могут быть масштабные политические изменения, приводящие к авторитарным откатам или декоративность демократических институтов и практик Для реализации целей исследования в качестве объектов сравнения выбраны государства, причины провалов конституционного строительства в которых различаются, – Таиланд, Албания, Кыргызстан и Украина

Некоторые исследователи и журналисты часто отмечают, что Таиланд обладает самым большим в регионе опытом независимого демократического правления, но в действительности политическая история Таиланда представляет собой чередование гражданского и военного правления с преобладанием последнего С 1932 г по настоящее время в этой стране было принято 17 конституций и конституционных хартий, и все они не являлись результатом полноценного символического общественного соглашения Длительный период истории Таиланда характеризовался интенсивной борьбой элит за влияние без существенного политического участия населения вне ясных конституционных рамок или в рамках, принципиально несовместимых с задачами консолидации демократического правления (отсюда своеобразная цикличность видов правления)

Опыт Таиланда также интересен в свете его сопоставления с путем Индии, находившейся в прошлом под прямым колониальным управлением. За время своего присутствия в Индии британцы утвердили некоторые современные стандарты управления и способствовали появлению продемократически настроенной элиты (или хотя бы ее части) – то, что не в полной мере удалось сделать тайландской монархии, лавировавшей между колониальными державами. В перспективе это отразилось на политической стабильности: многочисленные смены основного закона в Таиланде свидетельствуют о неспособности элит вести политический процесс в легальных рамках, а при отсутствии опыта работы с демократическими институтами шансы на заключение общественного соглашения можно определить как чрезвычайно низкие.

Албания может рассматриваться как показательный пример внешних влияний, причем более наглядный, чем Индия (и Таиланд). Для данного исследования она интересна именно в плане воздействия внешних факторов на формирование и трансформацию национальных политических институтов в демократическом направлении.

В албанском обществе долгое время сохранялись племенные и феодальные традиции: крепкие родственные узы, клановые связи, власть местных вождей и землевладельцев. Процессу развития конституционных демократических институтов долгое время препятствовало нахождение Албании под властью различных государств (Османской империи, протектората великих держав, уния с Италией, фашистская оккупация). На становлении этих институтов непосредственно в 1990-е гг. сказались и наследие тоталитаризма, бедность и неудачи в проведении экономических преобразований. Важную роль в стабилизации политической ситуации в стране в 1997 г. сыграл международный контингент под итальянским руководством («Операция Альба»). На этом фоне принятие конституции на референдуме в следующем году знаменовало собой достижение общественного соглашения относительно новых контуров политической системы.

В настоящем исследовании нельзя обойти стороной республики бывшего СССР: во-первых, по причине того, что ранее они были частью единого государства, во-вторых, потому, что траектории их конституционного строительства различаются, хотя большинство данных стран нельзя назвать успешными в том, что касается конституционного оформления институтов и практик демократического правления.

Для обоих рассматриваемых в данной работе государств бывшего СССР – Кыргызстана и Украины (помимо России) – можно выделить общую тенденцию, которая заключается в недостаточно последовательном движении от президентской к парла-

ментской форме правления на фоне активизации противоборства различных политических сил с эпизодическим выходом за конституционные рамки

Политическая трансформация в Кыргызстане проходила в крайне неблагоприятных экономических условиях. Заключение символического общественного соглашения в Кыргызстане затруднено сложной структурой населения, где помимо доминирующего этноса киргизов и некоторого числа русских представлена группа узбеков, проживающих в основном на юге страны (традиционный центр узбеков в Кыргызстане – Ошская область). Наличие районов компактного проживания представителей недоминирующих этносов вносит в политику Кыргызстана потенциал раскола как по этническому, так и по территориальному признаку.

Кыргызстан являет собой пример страны, в которой смена режима в результате так называемой «революции тюльпанов» не привела к заключению общественного соглашения. Как и в Таиланде, в Кыргызстане присутствуют акторы, имеющие ресурсы (силовые, финансовые и др.) для реализации своих целей в ущерб интересам других групп, что не способствует продвижению политического диалога. Потенциально в подобных условиях определенную роль могли бы сыграть внешние медиаторы (например, ООН, Евросоюз, Россия), однако, в конечном счете, выход на демократический путь развития остается задачей, которую необходимо решать самим гражданам Кыргызстана. Ядром новой конституции, разрабатываемой в настоящее время (октябрь 2007 г.), могла бы стать последовательная передача президентом своих полномочий исполнительной и законодательной ветвям власти, что в перспективе превратит Кыргызстан в первую страну среднеазиатского региона, осуществившую отход от потенциально авторитарной системы президентской власти.

Украина, как и Кыргызстан, являлась республикой Советского Союза, и после распада СССР встал вопрос о путях развития независимого государства. Основной закон Украины советских времен не решал всех проблем, связанных с разделением властей, определением их функций и полномочий. Длительное отсутствие нового основного закона частично объясняет провал заимствования французской премьер-президентской модели в украинских условиях в первой половине 1990-х гг., когда премьер-министр и кабинет пытались расширить собственное пространство для политических маневров, тогда как президент и парламент конкурировали между собой за контроль над министерствами. Основной проблемой украинского конституционного процесса с 1996 г. стали широкие полномочия президента. Крен в сторону президентализма привел к относительной консолидации оп-

позиции По итогам событий, более известных как «оранжевая революция», оппозиционный кандидат смог победить на президентских выборах, однако получил пост с сокращенными полномочиями При этом важно отметить, что действия основных политических акторов на Украине имели поддержку и мотивацию извне Новые рамки политической деятельности оказались «неудобными» не только для проигравших, но и для победителей Отсюда разные трактовки конституции Украины (после ее реформы) Положение ухудшила дискредитация в глазах общества и элит Конституционного суда – органа, который мог бы внести некоторую ясность в прочтение отдельных статей конституции

Третий параграф «Российский опыт конституционного строительства» раскрывает процесс формирования конституционных демократических институтов и практик в истории России

Отдельные протодемократические практики применялись еще в Древней Руси власть князя часто была уравновешена боярской думой или народными собраниями, что упреждало укрепление единодержавия После освобождения от монголо-татарского ига демократическая составляющая в структуре власти русских земель исчезла, доминировали монархическое и аристократическое начала Попытки ограничения власти верховного правителя, по мнению А Медушевского, предпринимались в Смутное время, также они имели место после смерти Петра I, но не получили должного законодательного оформления В имперской России периодически появлялись проекты, предполагавшие переход к конституционной монархии или даже республике. Существовали как эволюционные проекты, которые выдвигались высокопоставленными государственными деятелями, так и революционные, предполагавшие радикальное социально-политическое переустройство Одна из основных проблем российского конституционализма в имперский период заключается в том, что политические процессы имели сильную субъективную составляющую Самодержцы отказывались от эволюционных конституционных преобразований, полагая, что страна была к ним не готова Во второй половине XIX в особое значение имело восприятие в России концепции правового государства, заимствованной из германской философии права Это стало движущей силой разработки и проведения преобразований в Российской империи Главной особенностью конституционных проектов начала XX в по сравнению с предшествующими было то, что они представляли собой цельные и четкие программные документы Возможно, наиболее реальную возможность обрести конституционный режим страна упустила в 1917 г, когда с приходом к власти большевиков и роспуском Учредительного собрания вопрос о демо-

кратических преобразованиях в России был отложен на неопределенное время. Разработка конституционных документов после прихода к власти большевиков и установления советского строя приобрели совершенно иной характер, чем в демократических государствах. В целом, конституции советского периода имели «фасадный» характер.

Потребность в новых конституционных ориентирах возникла в период перестройки, когда простое внесение поправок в конституцию СССР (и РСФСР) не решало фундаментальных проблем, стоявших перед страной. С конституционными инициативами выступили, например, лидеры оппозиционного движения А.Д. Сахаров и А.И. Солженицын. В условиях распада СССР и начала рыночных реформ потребность в новой конституции для РСФСР (России) привела к активизации соответствующих усилий. Однако наиболее влиятельные группы политической элиты России оказались не в состоянии заключить символическое соглашение по поводу основ конституционного строя и осуществления властных полномочий, что имело одним из результатов кризис октября 1993 г. Принятие конституции (ее президентского варианта) на референдуме в декабре 1993 г. способствовало тому, что она формально превратилась в предмет общественного консенсуса, получила необходимую легитимность, но тем не менее не стала в полной мере определяющим фактором общественно-политической жизни.

Действующая Конституция Российской Федерации относится к числу самых молодых в современном мире. Будучи принятой в условиях переходного этапа, она отличается тем, что отдельные ее положения носят декларативный характер и фиксируют, скорее, принципы и цели, чем социально-политические реалии. Это не следует считать недостатком конституции, так как такая декларативность может быть использована для ускорения развития страны. Важно отметить, что сегодня реализация положений конституции сталкивается с массой трудностей, порождаемых экономическими, социальными, политическими и др. факторами. Конституция не имеет достаточной идейной почвы в массовом сознании, не воспринимается как универсальное средство защиты прав и свобод.

Большая (и наиболее ценная в плане демократизации) часть российского конституционного опыта была накоплена в последние полтора десятилетия. Конституционный вопрос, хотя и не находится на первом плане, является одним из центральных в политическом развитии России. Имеющийся опыт ставит под сомнение возможность использования классических западных моделей государственного устройства. Россия нуждается в особой программе конституционного развития с тем, чтобы эта сфера политической и

юридической деятельности вносила максимально возможный вклад в укрепление основ демократии и гражданского общества

В **Заключении** формулируются основные выводы диссертационного исследования. По итогам проведенного анализа подтверждаются основные исследовательские гипотезы автора. Во-первых, только лишь наличие конституции – как писаной, так и в форме традиций и обычаев – не гарантирует положительного результата при создании и совершенствовании демократических политических систем. Во-вторых, одним из важнейших условий успеха в данном случае является наличие символического общественного соглашения. Если широкий консенсус не достигнут, действия политических акторов, направленные на создание стабильной и эффективно функционирующей демократической политической системы, с высокой долей вероятности обречены на неудачу.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

- 1 Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // Полис – № 5 – 2006 – 1,8 п л /0,5 п л (В соавторстве с М Г Миронюком, И Н Тимофеевым)
- 2 Анализ политических процессов и конституционных процедур для составления комплексных индексов (на примере индекса институциональных основ демократии в проекте «Политический атлас современности») // Политическая наука – №3 – 2007 – 1 п л
- 3 Структура и логика построения индексов в проекте «Политический атлас современности» // Политическая наука – №3 – 2007 – 1,85 п л /0,3 п л (В соавторстве с М В Ильиным, М Г Миронюком, Е Ю Мелешкиной, И Н Тимофеевым)
- 4 Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств – М Изд-во «МГИМО-Университет», 2007 –17,6 п л /1,2 п л (В соавторстве с А Ю Мельвилем, М В Ильиным, Е Ю Мелешкиной, М Г Миронюком, Ю А Полуниним, И Н Тимофеевым)

Подписано в печать 12 10 2007 г
Исполнено 12 10 2007 г
Печать трафаретная

Заказ № 896
Тираж 100 экз

Типография «11-й ФОРМАТ»
ИНН 7726330900
115230, Москва, Варшавское ш , 36
(495) 975-78-56
www.autoreferat.ru